

26 августа в усадьбе «Архангельское» пройдёт фестиваль лёгкой фоновой музыки *Nu note lounge fest*

24 августа братья Самойловы из «Агаты Кристи» сыграют сольный концерт в саду «Эрмитаж»

25 августа Театр классического балета Натальи Касаткиной и Владимира Василёва покажет «Спящую красавицу»

Признания неразговорчивого человека

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

Классик отечественного экрана, перешагнув 75-летний рубеж, не собирается удить рыбу или собирать грибы. В эти дни он работает над необычным проектом: делает анимационную версию своего знаменитого фильма «Кин-дза-дза». Дело для него новое, неизведанное, поэтому рассказывать о работе над этим фильмом он не стал: еще рано. Зато с удовольствием согласился поговорить за жизнь.

РОДОСЛОВНАЯ

— Георгий Николаевич, в одном старом грузинском фильме мне запомнился такой ироничный мотив: там каждый грузин, даже нищий крестьянин, обязательно оказывался (или прикидывался) князем. Если следовать логике этой картины, то и у вас обязательно должна отыскаться «голубая кровь»...

— А куда же грузину без нее? Мама моя и впрямь была из дворянской семьи. Ее отец – соответственно мой дедушка – работал нотариусом. Бабушка говорила на русском без акцента, блестяще знала французский, как и моя мама. Что касается отца, то он происходил как раз из крестьян – такой вот мезальянс. Николай Данелия оказался одним из первых посланцев советской Грузии в Москве. Учился здесь в институте, затем руководил строительством станций метро «Кировская», «Бауманская». Мать работала сначала экономистом, но, будучи сестрой великой грузинской актрисы Верико Анджапаридзе и золовкой кинорежиссера Михаила Чиаурели, оказалась вскоре в кино.

— Часто бываете в Тбилиси?

— Давно не был. Когда в последний раз был в Тбилиси, выяснилось, что мне даже некому позвонить. Многие ушли в мир иной, многие, как Резо Габриадзе, Гия Канчели, в Грузии практически не живут. На улицах –

сплошь незнакомые мне люди. Я там чужой.

— А в Москве свой? «Лицом кавказской национальности» себя не ощущаете?

— Всякое бывает. Иногда с бытовой ксенофобией приходится сталкиваться, но это все же исключения, а не правило. Москва – большой интернациональный город. Это где-нибудь в воронежской деревне я грузин, а здесь – москвич.

— Стало быть, вы – грузинский москвич. Или московский грузин?

— Не знаю даже, как правильно отвечать. Так уж случилось, что из 75 лет 74 я прожил в Москве. Родной язык для меня русский. Но тбилисские знакомые уверяют, что, например, по фильму «Я шагаю по Москве» легко вычислить, что его делал грузин. Наверное, так оно и есть. От себя, от голоса своей крови не уйдешь.

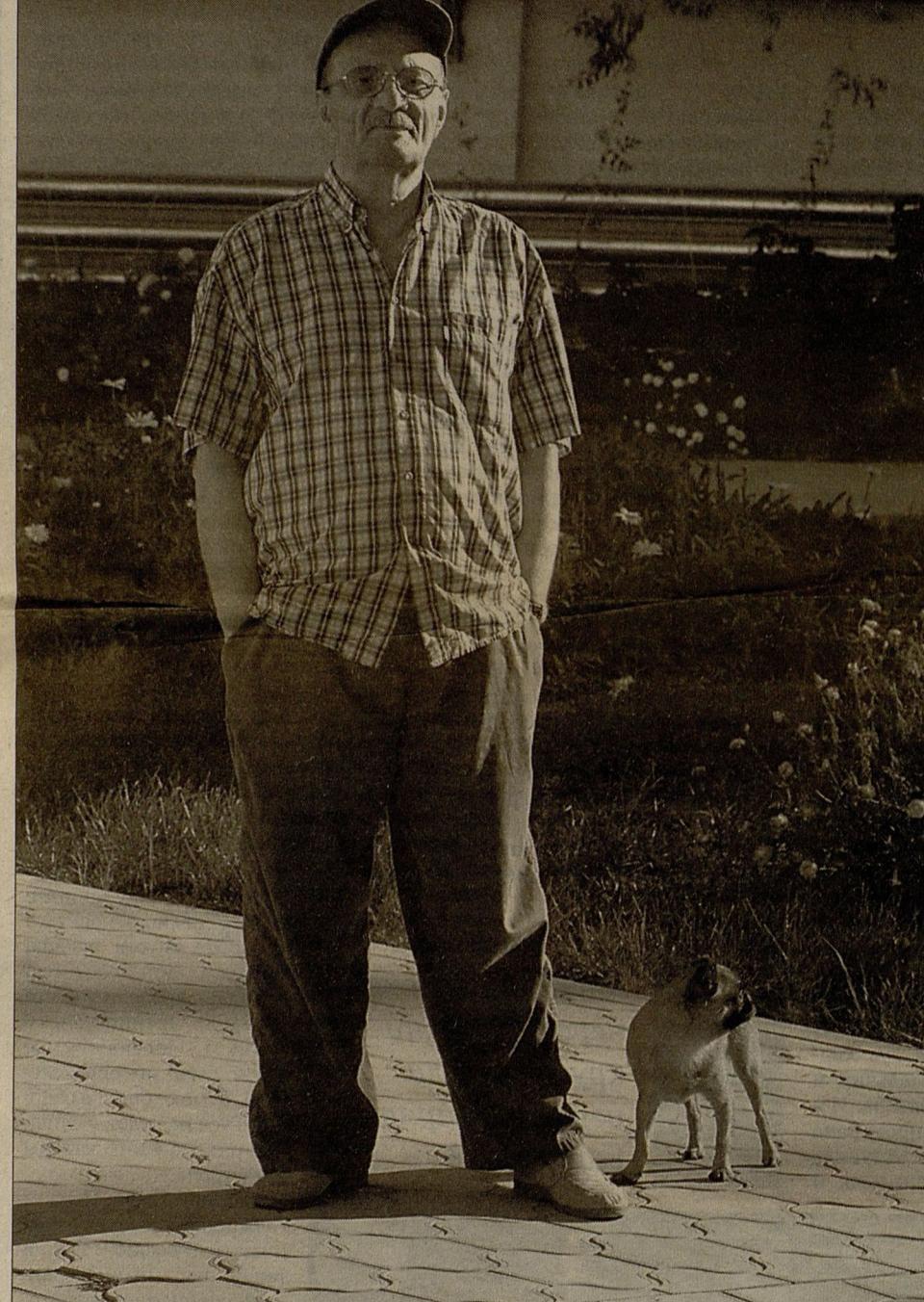
ТВОРЧЕСТВО

— А от судьбы, от жизненного предназначения можно уйти? Ведь, поступив в архитектурный институт, вы могли до сего дня проектировать стандартные районы...

— Я действительно никогда не мечтал, не грезил о кино, хотя мама с детства таскала меня с собой на съемочную площадку. В девять лет я даже сподобился сняться в фильме «Георгий Саакадзе», но при окончательном монтаже меня, как водится, вырезали. На высшие режиссерские курсы я пошел от тоски, от отчаяния – надоело проектировать города, которые застраивались по шаблону.

— Как вы относитесь к тому, что вас называют киномедиографом?

— Это термин, только и всего. Нас часто объединяют с Гайдаем и Рязановым в некую комедийную троицу. Но мы все разные! Гайдай – непревзойденный и недооцененный в свое время мастер эксцентрической ко-

меди. Рязанов снимает разные фильмы – от смешных до мелодраматических и очень драматичных. Я же много лет иду вдоль некоего коридора с хрупкими, стеклянными стенами. Знаю по многолетнему опыту, как только ненароком впадаю в быт, в «сурою правду жизни», становится скучно. С другой стороны, голая эксцентрика, смех ради смеха – для меня тоже смерть. При этом в каждом фильме стараюсь придумать, изобрести что-то новое – то неожиданный сюжетный ход, то окунуть вроде знакомых героев в незнакомую им среду...

— Но есть в вашем творчестве и вещи постоянные. Например, вы много лет снимали в каждом своем фильме Евгения Леонова. Кем он для вас был: своего рода талисманом, другом?

— Да нет, вне кино мы не очень часто общались. Я, например, дружил с Бондарчуком – так мы друг у друга в гостях то и дело зашивались. Или, скажем, с Кикабидзе мы уже почти 40 лет дружны – тут тоже все понятно. А с Евгением Павловичем мы чаще только по телефону говорили. Познакомились мы с ним на фильме «Тридцать три». В нем, кстати, должен был сниматься Юрий Никулин, но он укатил вместе с цирком на гастроли в Австралию. Пришел Леонов, спросил первым делом: «Ну что, будем Ваньку валять или работать всерьез?» – «Всерьез, всерьез!». Так с тех пор мы и зацепились друг за друга.

При жизни я его даже не спросил ни разу, как ему у меня работает. А когда Леонов умер, мне уже зад

ним числом попалась на глаза газета с опубликованным фрагментом из его книги, построенной в форме писем к сыну Андрею. Там были примерно такие строки (цитирую по памяти): «Дорогой Андрюша! Снимаюсь в картине «Слезы капали» у Георгия Данелия. Как всегда, дико трудно. Как всегда, не знаю, что получится. Как всегда, очень интересно. Дай Бог и тебе встретить на своем пути такого режиссера». Это было мне весточка от него уже Оттуда. Я и сегодня, когда пишу сценарий, бывает, думаю: кого же у меня будет играть Леонов? Потом спрашиваюсь: а его-то уже и нет...

— Наше время трудное, а вы продолжаете снимать светлое, доброе, утешительное кино. Где на-

ДОСЬЕ «РК»

Георгий Николаевич Данелия родился 25 августа 1930 года в Тбилиси. В 1955 году он окончил Московский архитектурный институт, в 1959-м – Высшие режиссерские курсы.

Среди его наиболее известных и любимых зрителями работ – «Афоня» (1975), «Мимино» (1978), «Осенний марафон» (1979). В 1980–1990-х годах Данелия снял такие знаковые ленты, как драма «Слезы капали» (1983), культовая фантастическая комедия «Кин-дза-дза» (1986) и лирическая трагикомедия «Паспорт» (1990). Кроме того, Георгий Данелия является автором или соавтором большинства сценариев своих фильмов

В бессмысленных тусовках Данелия не участвует; дай ему волю, он вообще не выходил бы из своего кабинета.

ФОТО БОРИСА КРЕМЕРА

ходите силы для оптимизма?

— Насчет «утешительного» кино все не так просто. «Осенний марафон», «Слезы капали» – кино достаточно горькое, грустное. «Кин-дза-дза» – вообще мрачноватая антиутопия, это мой прогноз о будущем человечества. Или возьмем «Настю» – ее часто по телевизору показывают. Там есть горькая атмосфера постперестроичного времени. Есть военные, торгующие бензином. Есть пустые магазины, где, кроме ластиков, ничего не продается. Есть военный хор, вдохновленно поющий: «Вот возьму и повешусь, и меня закопают»...

Вот такое получилось «утешительное» кино. Другое дело, что сверх и помимо этого есть в «Насте» и кое-что еще. Есть надежда,

8 Когда в последний раз был в Тбилиси, выяснилось, что мне даже некому позвонить

6 сентября в
играть Филс
«Ла Скала»

ЖИВ

вера. Есть какой-то светлый
ангел, что ли...

ХАРАКТЕР

— Сознайтесь, у вас есть
автобиографические фильмы? Можете ли вы сказать, что «Афоня» — это я?

— Когда пишу сценарий, снимаю кино, всегда отдаю каждому персонажу частичку себя. Конечно, Афоню я лепил в какой-то мере и с себя. Но больше всего я рассказал о себе в фильмах «Не горюй!» и «Осенний марафон». Это как бы две разные грани моего характера. В первой картине я поведал о том периоде своей жизни, когда был страшным кутилой, гулякой.

— И как ваши загулы выглядели?

— Ну как это обычно выглядит? Если компания московская, то, значит, с Геной Шпаликовым, Витей Некрасовым мы сидим на кухне, пьем водку, говорим о политике, о прочитанных книжках, об искусстве. Если компания грузинская, значит, идем в «Арагви», берем ту же водку, лобио, а дальше в ход идут веселые истории, тосты, песнопения. В какой-то момент эти компании стали чередоваться в моей жизни слишком часто. Словом, увлекся я этим делом, запои начались. Когда в 26 лет погиб мой сын Коля, я вообще стал пить по-черному. Мысли о самоубийстве стали приходить. Я решил, что надо с этим делом кончать. Не с собой, а с выпивкой. А если с собой, то по крайней мере в трезвом виде. С тех пор уже лет двадцать не пью совсем.

— Вы еще не рассказали про автобиографические мотивы в «Осеннем марафоне»...

— После выхода картины друзья наперебой говорили мне, что я снял кино про себя, что Бузыкин — это я. Схожесть, разумеется, не только в любовном треугольнике, через который и я, грешный, прошел. Главное в характере Бузыкина, замечательно сыгранного Олегом Басилашвили, его доброта, переходящая в мягкотелость.

Он никому не может сказать твердое «нет», старается войти в положение каждого, в итоге всем делает только хуже, в первую очередь самому себе. И в этом смысле кино, конечно, про меня. я и на съемочной площадке такой: меня люди подводят, а я стараюсь их понять, оправдать.

— Да у вас просто золотой характер!

— Характер на самом деле у меня трудный. Я человек замкнутый, неразговорчивый. Интервью обычно не даю — сделал исключение для вас, поскольку мы давно знакомы. Моя жена Галя знает: для меня сегодня выйти на улицу, с кем-то общаться, а тем более участвовать в бесмысленных тусовках — стыдочное мучение. дай мне волю, я бы сидел у себя в кабинете, писал сценарии, и никто бы меня не видел. Впрочем, не буду больше говорить про себя гадости. Пусть зрители думают, что я такой, каким можно меня вообразить, глядя мое кино...

Беседу вёл Леонид Кузуб